

мотности — все это, по мысли автора, повлекло за собой изменение основных демографических характеристик населения северной части о. Калимантан, и, наряду с этим, изменение и соотношение в экономической занятости различных слоев населения.

Большой интерес представляет VII глава книги — «Экономическая активность», где Л. Джонс дает краткий исторический обзор экономического развития всего региона. До появления каучука (1910 г.) Бруней поставлял на мировой рынок перец, саго, бетель, кокосовое масло и другие колонияльные товары. Сурьма и золото являлись основным продуктом экспорта Саравака в начале правления династии Бруков, потом на арену выходит уголь, являющийся и в наши дни основной статьей дохода в этом районе. В середине 1930-х годов Британское Северное Борнео специализируется на поставке каучука, и уже в 1940 г. производит 3/4 всего экспортного каучука Северного Калимантана. В 1930-х годах Бруней становится поставщиком нефти благодаря обнаруженным здесь запасам. Колониальный характер экономики, направленный на развитие крупных капиталистических предприятий, выражается в следующих цифрах: в 1960 г. на крупных плантационных хозяйствах и предприятиях добывающей промышленности было произведено 95% всей экспортной продукции Брунея, 53% — Северного Борнео и 13% — Саравака. На стр. 147—166 Л. Джонс уделяет много места вопросам распределения рабочей силы в зависимости от национальной принадлежности и уровня грамотности, проблеме экономической активности женщин, обуславливаемой религиозными традициями (среди малаек 32% заняты в сфере производительного труда, в то время как у ибанов, в основном анимистов, — 79%) и т. п.

Завершающая, VIII глава книги Л. Джонса посвящена будущему населения Саравака, Сабаха и Брунея. На основании данных послевоенных переписей о рождаемости и смертности населения, исследователь выводит перспективные цифры роста будущего народонаселения всего региона. Он предполагает довольно высокий по мировым стандартам трехпроцентный ежегодный прирост населения, в результате которого население Северного Калимантана к 1985 г. достигнет трех млн. чел. Плотность населения с 10 чел. на 1 км² в 1960 г. увеличится до 22,5 чел. в 1985 г. (если сравнить с плотностью населения в Малайе, Филиппинах, на Цейлоне и в Японии, то даже в 1985 г. Северный Калимантан не станет перенаселенным, как отмечает автор на стр. 170). Среди населения Саравака, Сабаха и Брунея в 1985 г., по подсчетам Л. Джонса, малайцы и дакия составят 61%, китайцы — 35% и другие национальности — не более 4%. Однако, констатируя, что с увеличением населения увеличится и число рабочих рук, автор вынужден с горечью и страхом признать, что неминуемо появится безработица — проблема, доселе неизвестная в Сараваке и Сабахе, но уже вызывающая беспокойство в Брунее, где 2/3 рабочих не заняты в сельском хозяйстве, а работают на промышленных предприятиях. В целом же индустриализация в этом в основном сельскохозяйственном районе с многоукладной экономикой будет очень незначительной. Уже сейчас в Сабахе несколько тысяч иммигрантов и 5% некавалифицированных местных рабочих обеспечивают половину государственного экспорта древесины, а в Брунее в 1960 г. 14% всего экономически активного населения производят 80% национального продукта. «В дальнейшем найти рабочих для производства экспортных продуктов, которые составляют основу экономики Борнео, будет меньшей проблемой, чем дать работу тем, кто ее жаждет!» — восклицает автор (стр. 194). И он обращается к правительству с целым рядом предложений, осуществление которых, по его мнению, позволит решить основные социально-экономические проблемы. Л. Джонс верит в то, что разумными действиями капиталистов можно развить экономику и повысить благосостояние народов Саравака, Сабаха и Брунея, призывает проводить политику контроля над ростом народонаселения и рождаемость путем повышения образовательного уровня женщин, привлечения их к производственной деятельности, большей их эмансипации и путем пропаганды различных средств ограничения рождаемости.

Автор книги «Население Борнео» Л. Джонс во многом заблуждается; со своих позиций, далеких от марксистско-ленинского понимания законов общественного развития, он не может дать правильного научного объяснения многих процессов, происходящих в современном капиталистическом обществе. Но сосредоточенный в книге богатый фактический материал представляет большой интерес для социологов, этнографов и специалистов смежных специальностей, изучающих народы этого региона.

Л. В. Никулина

Атеисты, материалисты и диалектики древнего Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы. Перевод, комментарии и введение Л. Д. Позднеевой, М., 1967, 403 стр.

Выпущенная издательством «Наука» книга о Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы — это существенный вклад не только в отечественное и мировое востоковедение, но и в историю философии в целом. Впервые читатель получает столь полный и столь обоснованный перевод произведений древнекитайских философов-материалистов. Уникальность этого перевода определяется двумя обстоятельствами:

во-первых, текст дается в композиции оригинала, т. е. без изменения расположения его частей и без пропусков тех фрагментов, которые казались комментаторам и переводчикам повторами или позднейшими вкраплениями; во-вторых, перевод впервые делается строго по смыслу текста, а не исходя из его толкования комментаторами (т. е. без невольного искажения или намеренной фальсификации). Последнее особенно важно, так как искажение смысла лаконичных, философски насыщенных бесед и изречений древнекитайских материалистов вело к тому, что нередко они представлялись западноевропейскому и русскому читателю как примитивно мыслящие или, наоборот, как заумные мистики. Так, в подтверждение «мистицизма» Чжуанцзы часто приводилась короткая притча о сне, в котором он ощущал себя бабочкой. Для утверждения мистицизма Чжуанцзы было достаточно лишь «забыть» о последней фразе притчи (стр. 146): «Это и называется превращением вещей, тогда как между мною и бабочкой непременно существует различие».

В самом Китае произведения Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы долгое время замалчивались. По существу лишь фрагменты их встречаются в официальных изданиях императорского Китая (да и последующих десятилетий). А следовательно, и они доходили до читателя сквозь призму конфуцианской цензуры. А «высочайше разрешенная» и пропагандируемая в общегосударственном порядке конфуцианская идеология враждебна идеологии древних диалектиков, как всякий идеализм враждебен материализму.

Академик Н. И. Конрад в своем письме к Арнольду Тойнби («Новый мир», 1967, № 7, стр. 184), говоря о различных проявлениях общественного сознания, совершенно справедливо пишет о безудержном стремлении к производству всяких норм у Конфуция и Мэнцзы и яростном протесте против этих норм у Лао-цзы и Чжуанцзы. «Как будто бы Лао-цзы и Чжуанцзы почувствовали, к чему эти нормы могут повести». Этим яростным протестом прогрессивных мыслителей, их борьбой против конфуцианских, сковывающих общественную мысль догм пронизана история идеологии Китая вплоть до наших дней. Казалось бы, идеологическая борьба середины I тысячелетия до н. э., когда жили Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы — это дела давно минувших дней. Однако, прочтя книгу и вступительную статью к ней, поражаешься и остроте идеологических схваток того времени, и близости этой борьбы к современности. Отдельные высказывания и беседы, высмеивающие конфуцианцев и самого Кун-цзы, как будто нацелены против маоистов и пресловутой «культурной революции», сквозь псевдоревolutionные лозунги которой явственно проглядывает конфуцианское «нормотворчество».

Этнографам книга полезна и интересна хотя бы уже потому, что исследование истории духовной культуры, особенно атеистической струи в ней, — одна из важных задач этнографии. Для этнографов-китаеведов произведения Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы служат, кроме того, одним из источников сведений по проблеме этногенеза и этнической истории Китая и, прежде всего, малых народов страны. Многие из бесед содержат сведения о специфике хозяйства, материальной культуры, обычаях и обрядности населения прототхайского царства Чу, южских царств У и Юэ, царства Цинь и их соседей. Приведем, лишь один пример:

«К востоку от царства Юэ лежит страна Деревя Чжэкан. Родится там первенец, его съедают маленьким, называя это «жертвоприношением младшему брату». Умрет у них дед, отнесут на спине бабу и бросят, говоря: «С женой покойника нельзя жить вместе». К югу от царства Чу лежит страна людей Огня. Почтительным сыном у них считается тот, кто погребает лишь кости своих родных, когда мясо после смерти сгниет и его выбросят. К западу от царства Цинь лежит страна Ицюй. Почтительным сыном у них считается тот, кто после смерти родных собирает хворост и их сжигает. Дым от костра поднимается вверх и это называют «поднятия ввысь»» (стр. 89).

Трудно сказать, какому народу был присущ обычай умерщвления первенца, но у многих народов в древности господствовал «минорат» и старшие братья действительно ухаживали от родителей. Боязнь мертвых и сопребывание с покойным его жен — явление также в прошлом очень распространенное. Более специфические черты содержат сведения о давнем двухступенном захоронении у людей Огня (ляо) и трупожожении у древних обитателей Ицюй (современной Ганьсу) и этим они очень ценны.

Большой интерес представляет наблюдение о роли географического фактора: «В царствах У и Чу растет огромное дерево, имя ему Помелон. Дерево лазоревое, родит зимой, плоды красные, на вкус кислые. Едят кожуру и сок и излечиваются от удущия. В Цичжоу оно понравилось, перевезли на север от реки Хуай, но там оно превратилось в одичавший мандарин. Черный певчий дрозд не перелетает через реку Цзи. Барсук, перебравшись через реку Вэнь, умирает. Таково значение местности и эфира...» (стр. 86).

Внимательный читатель найдет в книге множество интересных сведений и о быте, обычаях, хозяйстве, духовной культуре самих хань (собственно китайцев). У конфуцианцев основная роль в обществе отводилась «аристократии духа» — мудрому правителю и еще более мудрым и совершенным его советникам-философам. У даосов

же основной герой всегда простолюдин: земледелец, лодочник, мясник и т. д. Конфуцианцы, присвоив фольклорный идеал мужской красоты (статность, ясный лик, благородство черт лица, гармоническое телосложение и т. д.), возвели красоту в ранг мужской доблести, утверждали ее, как обязательное, естественное свойство мудрого правителя. Даосы же возвеличивали ум, умелость вообще и мастерство в своем деле. Главные качества человека в творениях древних материалистов — не красота и знатность, а человечность, умение принести пользу обществу и прежде всего простому люду. Естественно, что и носителями этих качеств у древних материалистов оказываются простые люди, причем как полемический прием часто используется прославление героев, физически ущербных от природы или по вине жестоких и алчных правителей.

Древние атеисты, естественно, уделяют много внимания борьбе с религиозными предрассудками. Подобно другому китайскому древнему философу-материалисту Моди и его последователям, они выступают против культа умерших, против разорительной для трудового люда погребальной обрядности. В качестве примера приведем лишь одну беседу (ответ Ян Чжу на вопрос неизвестного):

«Ян Чжу сказал: «При жизни жалеть друг друга, по смерти друг друга покидать» — в этой древней пословице истина. «Друг друга жалеть» — эти слова говорят не только о чувстве, но и о готовности дать отдохнуть усталому, накормить голодного, обогреть замерзшего, найти выход для зашедшего в тупик. «Друг друга покидать» — эти слова говорят не о том, чтобы не оплакивать покойника, а о том, чтобы не облачать в узорную парчу, не класть ему в рот жемчуг и нефрит, не приносить жертв, не ставить блестящих сосудов... (стр. 108—109).

Поистине глубоко человеколюбивая проповедь. И это не просто наставление. Так даосы поступали по отношению к своим ближним; того же ждали они от своих учеников. Понятно, почему такую злобу вызывали поучения даосов у последователей Конфуция, как известно, протестовавшего против отказа от сопогребений (т. е. от погребения заживо людей для сопровождения знатного покойного к предкам); ведь изъятие одного элемента, по их мнению, нарушало всю традиционную обрядность. Конфуцианцы в соблюдении погребальной обрядности видели прежде всего соблюдение традиционных норм и не хотели замечать разорения живых ради почестей мертвым.

Блестящим примером безразличного отношения к «загробной жизни», отрицания посмертного возмездия за грехи в земном бытии, материалистического понимания жизни и смены ее форм служат беседы с черепом (стр. 45 у Лецзы, стр. 223—224 у Чжуанцзы), разъяснение Чжуанцзы о его мнимом бессердечии по отношению к покойной жене (стр. 223) и другие.

Богатый материал для исследования ранних форм религии читатель найдет в переводе имен. Как известно, этническая ономастика приобретает все большее значение и известность как ценный исторический источник.

В книге дан перевод топонимов (оронимии и гидронимии), этнонимов (наименований родов, племен, народов, названий царств, личных имен и прозвищ и т. д.). Читатель представит себе важность перевода личных имен и прозвищ, прочтя беседу Реки и северного Океана о конечном и бесконечном (суть беседы в значительной мере пропадает, если беседуют некий Бэйхай Жо с неким Хэ Бо). Но особенно показателен перечень наименований родов: род Терновника (Цзиньши), Больших муравьев (Куан ши), Владеющим огнем (Юбяо ши), Владеющих медведем (Юсюн ши), Вскармливающих медведя (Юйсюн ши), Добывающих огонь трением (Суйжэнь ши), Гадающих на черепе (Жаньсян ши), Владеющих гнездами (Ючао ши), Ведающих развалинами (Гунгун ши), Владеющих домами (Юху ши), Хранителей священной чаш и жаровни (Цзунлу ши) и т. д. В этих наименованиях нашли отражение ранние формы религии (тотемизм), социальных отношений (дифференциация жреческого сословия), специфики хозяйства (ирригация) древнего Китая. Привлечение семантики названий к исследованию истории формирования населения областей, где обитали эти роды — еще один важный источник. И использование этого источника переводом обеспечено.

Можно было бы отметить отдельные недостатки издания. В частности, не все переводы имен, на наш взгляд, удачны. Так, наименование «раб 100-верстовый Си», вероятно, следовало бы оставить без перевода — «раб из Болиси», т. е. перс. Но недостатков в книге очень немного.

В этой краткой рецензии мы остановились лишь на некоторых аспектах издания, столь полезного философу, этнографу, фольклористу, историку культуры и религиеведы.

Г. Г. Стратанович